

Научная статья
УДК 343.7
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.23

Original article

ПОПОВА Евгения Михайловна
Восточно-Сибирский институт МВД России,
Иркутск, Россия,
p_e_m_2013@mail.ru

POPOVA Evgenia Mikhailovna
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russia

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

DIGITAL RIGHTS AS AN OBJECT OF THEFT: DEBATES IN CRIMINAL LAW DOCTRINE
AND THEIR RESOLUTION

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки уголовно-правовой доктриной теоретически зрелых обоснований, касающихся определения статуса цифровых прав как предмета хищения. Анализ научных подходов к решению данного вопроса показал, что ученые разделились на два лагеря: одни приводят аргументы в пользу признания цифровых прав предметом хищения, другие, абсолютизируя вещный признак, отстаивают точку зрения, согласно которой не представляется возможным охватить цифровые права категорией «чужое имущество», и предлагают конструкцию новых составов преступлений. На фоне стремительно растущего рынка цифровых прав и повышения вероятности совершения преступных посягательств на новые цифровые объекты все отчетливее ощущается потребность в урегулировании уголовно-правового статуса цифровых прав в контексте признания их предметом корыстных преступлений против собственности. Цель: проверка гипотезы о признании цифровых прав предметом хищения посредством верификации данного цифрового феномена по трем дифференциальным признакам, выделяемым в теории уголовного права, и предложение авторской позиции, аргументирующей включение цифровых прав в уголовно-правовую категорию имущества. Методы: формально-логический метод позволил осуществить верификацию цифровых прав по трем системообразующим признакам предмета хищения и обосновать вывод о признании их имуществом в уголовно-правовом смысле; юридико-догматический – провести систематический анализ норм гражданского и уголовного законодательства, выявить терминологические расхождения между отраслями права и обосновать возможность признания цифровых прав предметом хищения без внесения изменений в УК РФ; метод правового моделирования использовался при определе-

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to develop theoretically mature criminal law doctrine justifications for determining the status of digital rights as an object of theft. Research into scientific approaches to resolving this issue reveals a division among academics into two main schools of thought: some argue in favor of recognizing digital rights as an object of theft, while others, absolutizing the tangible attribute, defend the viewpoint that it is impossible to encompass digital rights within the category of “another’s property” and propose new criminal offense categories. The rapidly expanding digital rights market and the heightened risk of criminal attacks on new digital assets are making the need for a clear criminal law framework for digital rights, especially concerning their classification as objects of property offenses, increasingly palpable. Purpose: to test the hypothesis of recognizing digital rights as an object of theft by verifying this digital phenomenon according to three differential criteria identified in criminal law theory, and to propose the author’s position arguing for the inclusion of digital rights in the criminal law category of property. Methods: the formal-logical method allows for the verification of digital rights based on three systemic characteristics of the object of theft and substantiates the conclusion about recognizing them as property in the criminal law sense. The legal-dogmatic method is used to conduct a systematic analysis of civil and criminal legislation norms, identify terminological discrepancies between branches of law, and justify the possibility of recognizing digital rights as objects of theft without amending the Criminal Code of the Russian Federation. The legal modeling method is employed to determine the moment of completion of digital rights theft, taking into account the technological features of their issuance and circulation based on smart contracts. Results:

нии момента окончания хищения цифровых прав с учетом технологических особенностей их выпуска и обращения на базе смарт-контрактов. Результаты: систематизированы экономические, правовые и технологические аспекты выпуска и обращения цифровых прав. Исследование подтверждает гипотезу, что цифровые права обладают всеми признаками предмета хищения. Ссылаясь на действующее законодательство, законотворческие инициативы и правоприменительную практику, автор последовательно обосновывает устойчивую тенденцию, состоящую в дистанцировании от вещного признака при квалификации хищения объектов гражданских прав, выпуск и обращение которых осуществляется в форме внесения записей в информационные системы.

Ключевые слова: цифровые права, предмет хищения, блокчейн, информационная система, имущество, доктрина, вещный признак

Для цитирования: Попова Е.М. Цифровые права как предмет хищения: дискуссионные вопросы в уголовно-правовой доктрине и способы их разрешения / Е.М. Попова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.23 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 207–216.

the article systematizes the economic, legal, and technological aspects of the issuance and circulation of digital rights. The study confirms the hypothesis that digital rights possess all the characteristics of an object of theft. Referencing current legislation, legislative initiatives, and law enforcement practice, the author consistently substantiates a stable trend of distancing from the tangible attribute when qualifying the theft of civil rights objects, the issuance and circulation of which are carried out in the form of entries in information systems.

Keywords: digital rights, object of theft, blockchain, information system, property, doctrine, tangible attribute

For citation: Popova E.M. Digital Rights as an Object of Theft: Debates in Criminal Law Doctrine and Their Resolution. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 207–216. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.23.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровые права как новый объект гражданского оборота появились сравнительно недавно, когда в 2019 г. ГК РФ претерпел ряд изменений. В соответствии с Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ ст. 128 ГК РФ была дополнена цифровыми правами, а также введена новая статья 141.1, которая обеспечивает рамочную регламентацию порядка обращения цифровых прав. После вступления в законную силу Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в отечественное правовое поле были введены три вида цифровых прав: цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права. Хотя на сегодняшний день

судебная практика, касающаяся привлечения к уголовной ответственности за хищение цифровых прав, отсутствует, представители уголовно-правовой доктрины проявляют высокий интерес к обсуждению вопроса о признании цифровых прав предметом корыстных преступлений против собственности.

Актуальность исследования проблемных вопросов квалификации преступных посягательств на новые цифровые объекты продиктована тем, что уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере оборота цифровых прав имеет социальную обусловленность. Потребность регулирования данной категории общественных отношений уголовно-правовыми средствами во многом объясняется тем, что рынок цифровых прав развивается стремительно и в ближайшей перспективе может стать объектом преступных посягательств.

О том, что российский рынок цифровых прав динамично развивается, свидетельствуют данные Банка России, согласно которым с 2022 по 2025 г. количество выпусков цифровых финансовых активов увеличилось

с 19 до 1321, среднегодовой темп роста объемов размещений составил 1100 %¹. В абсолютных величинах динамику рынка можно описать следующим образом: если в 2022 г. объем финансирования российских компаний посредством размещения цифровых финансовых активов не превышал 740 млн руб., то в 2025 г. более 972 млрд руб. было привлечено через информационные системы. Агрегированные официальные данные, раскрывающие информацию о тенденциях развития рынка утилитарных цифровых прав, не публикуются. Во многом это объясняется более скромными объемами по сравнению с рынком цифровых финансовых активов. Однако сам факт роста спроса на данный цифровой инструмент неоспорим. Например, в сентябре 2025 г. крупное сельскохозяйственное предприятие ООО «Мелькомбинат» осуществило выпуск утилитарных цифровых прав, обеспеченных поставкой пшеницы третьего класса.

Таким образом, на фоне увеличения инвестиционного спроса на цифровые права не вызывает сомнения значимость разработки аргументированных предложений, касающихся определения правового статуса цифровых прав в контексте отнесения их к предмету корыстных преступлений против собственности. Несмотря на то что уголовно-правовой доктриной вырабатываются соответствующие предложения, до сих пор не достигнут консенсус по вопросу обоснованности расширительного толкования предмета хищения и применения при квалификации посягательства на цифровые права традиционных составов хищения либо включения в УК РФ дополнительных составов преступлений, отвечающих требованиям цифровой реальности. Своевременное решение сложных вопросов квалификации преступных посягательств на цифровые права усилиями научного сообщества и обнародование позиции высших судебных инстанций в целях единообразного применения уголовного закона во многом облегчит решение правоприменителем задач в области охраны собственности и позволит гарантировать эффективную защиту прав и интересов владельцев цифровых прав.

¹ Рынок цифровых прав для привлечения финансирования субъектами МСП [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/171874/press_digital.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫПУСКА И ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Феномен цифровых прав представляет собой адекватную реакцию законодателя на токенизацию активов, которая становится неотъемлемым элементом бизнес-процессов в части финансирования инвестиций. Одним из главных аргументов в пользу все большего распространения цифровой инфраструктуры финансового посредничества выступает сокращение транзакционных издержек и повышение уровня безопасности обращения новых цифровых объектов благодаря технологии распределенных реестров (блокчейн). Банк России в своем обзоре основных трендов развития рынка цифровых прав указал, что расходы, связанные с организацией выпуска цифровых финансовых активов, в 28 раз ниже по сравнению с затратами на выпуск классических облигаций. Поскольку учет, выпуск и обращение цифровых активов осуществляется на базе блокчейна посредством реализации криптографических алгоритмов, значительно повышается безопасность транзакций.

Российский законодатель признал объектами гражданских прав только три вида токенов – инвестиционные и долевые, которым соответствуют цифровые финансовые активы, и служебные, которым соответствуют утилитарные цифровые права. Однако перечисленные токены будут иметь статус цифровых прав при условии, если их выпуск удовлетворяет требованиям информационных систем (инвестиционных платформ), операторы которых включены в реестр Банка России.

Для решения сложных вопросов квалификации преступных посягательств на цифровые права принципиальное значение имеет формирование у правоприменителя четкого понимания их экономической сущности. С точки зрения экономической природы цифровые права представляют собой инвестиционный продукт, поскольку основная цель эмитента – привлечение денежных средств для финансирования инвестиционных проектов, а основная цель владельца цифровых прав – получение в будущем прибыли или иного полезного эффекта, который в случае с утилитарными цифровыми права-

ми выражается в предоставлении товаров, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, оказании услуг или выполнении работ. Таким образом, цифровые права – это экономический актив, который есть не что иное, как право требования денежных средств или благ, предъявляемое к их эмитенту.

Исходя из изложенного можно сделать однозначный вывод, что появление в отечественном законодательстве института цифровых прав обусловлено не возникновением новой правовой сущности (это все те же традиционные права требования), а изменением механизма организации их выпуска и обращения. Именно применение технологии распределенных реестров качественно меняет процедуру выпуска, обращения и погашения прав требования, делая их «цифровыми». В связи с этим не совсем понятна позиция И.С. Мочалкиной, которая в своем диссертационном исследовании, раскрывая сущность цифровых прав, пишет, что «цифровое право призвано удостоверить какое-либо другое право» [1, с. 32]. Подобные формулировки способствуют ошибочному пониманию цифровых прав как некой оболочки, своего рода свидетельства для другого права в цифровом мире. Такой подход имеет своим следствием отождествление цифровых прав с документальными ценными бумагами, которые являются сертификатом, удостоверяющим право требования, что в корне неверно.

Подобного рода определения цифровых прав не являются беспочвенными. Хотя далее будет уделено внимание технологическим аспектам выпуска и обращения цифровых прав, считаем своевременным отметить, что по аналогии с эмиссионными ценными бумагами в рамках информационной системы публикуется решение о выпуске цифровых прав, в котором указывается их количество и объем требований в рублях, удостоверяемый одним цифровым финансовым активом. Буквальное толкование данного параметра может служить объяснением того, почему в доктрине цифровое право рассматривается как способ удостоверения другого права. Для того чтобы поставить точку в данном вопросе, аргументированно заявляя, что цифровые права – это не средство закрепления обязательственно-

го права, а непосредственно само обязательственное право, логично сослаться на ст. 141.1 и п. 2 ч. 1 ст. 142 ГК РФ. Согласно последней даже бездокументарные ценные бумаги, которые, как и цифровые права, не имеют материального носителя, определяются не как средство, удостоверяющее обязательственное и иное право, а как обязательственные или иные права, закрепленные в решении о выпуске.

Возвращаясь к последнему выводу, что в случае с цифровыми правами меняется форма, а не содержание, считаем целесообразным кратко описать технологию их выпуска, что будет способствовать формированию адекватного представления о том, почему стандартные для гражданского оборота права требования получили новый статус цифровых прав. Поскольку в настоящее время преобладающая доля отечественного рынка цифровых прав приходится на цифровые финансовые активы, предлагаем рассмотреть особенности выпуска цифровых прав на их примере.

Одно из базовых условий для осуществления выпуска, обращения и погашения цифровых финансовых активов – прохождение процедуры регистрации на информационной платформе (создание личного кабинета) и открытие цифрового кошелька. Для каждого вида цифрового финансового актива и соответствующей сделки с ним разрабатывается свой шаблон смарт-контракта, который применяется только в определенной информационной системе. После того как пользователь заполнит параметры, определенные шаблоном, в информационной системе сформируется готовый смарт-контракт, который в дальнейшем будет обеспечивать алгоритмизированное исполнение сделок без участия человека.

Предположим, некий инвестор планирует приобрести цифровые финансовые активы. Для этого через личный кабинет он создает заявку, которая трансформируется в транзакцию и передается под управление смарт-контракта. Данная транзакция сначала проходит валидацию на соответствие требованиям информационной системы и законодательства, и только после этого смарт-контракт запускает алгоритмизированные проверки на соответствие транзакции условиям выпуска цифровых прав. Если выпуск будет признан состоявшимся, смарт-контракт инициирует

зачисление на цифровой кошелек цифровых финансовых активов первым инвесторам. Таким образом, можно сформулировать следующие технологические особенности выпуска и обращения цифровых прав:

1) наличие специальной инфраструктуры – информационной системы (инвестиционной платформы);

2) автоматическое исполнение сделок на основе смарт-контрактов;

3) выпуск, учет и обращение цифровых прав осуществляется только посредством внесения записей в информационную систему, которая функционирует на базе блокчейна, поэтому вся информация хранится в специальных реестрах;

4) цифровые права, принадлежащие конкретному инвестору, отображаются в цифровом кошельке.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ ПО ВОПРОСУ ОТНЕСЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ К ПРЕДМЕТУ ХИЩЕНИЯ

В доктрине уголовного права и правоприменительной практике укрепилась точка зрения, что предметом хищения может быть только имущество, обладающее вещным, а также совокупностью юридических и экономических признаков. Именно вещный признак оказался в центре научной полемики и стал наиболее дискуссионным. Он подразумевает, что похитить можно только материальный объект, или, как пишет С.М. Кочои, «телесное имущество» [2, с. 111]. Анализ научной литературы показал, что на сегодняшний день отсутствует единство мнений относительно признания цифровых прав предметом хищения, более того, высказываются полярные суждения. С.М. Кочои считает, что цифровые права, в силу своей «бестелесности», не могут быть признаны предметом общих составов преступлений против собственности [2, с. 111]. Его мнение разделяют В.В. Хилюта и О.М. Иванова. Они полагают, что более уместным вариантом было бы отнесение имущественных прав к предмету иных корыстных имущественных посягательств, не являющихся хищением [3, с. 125; 4, с. 52]. А.В. Серебренникова, обозначая проблему недостаточной разработанности вопроса об от-

несении цифровых прав к предмету хищения, указывает, что нынешняя редакция составов хищения, где сохраняется разделение предмета преступлений против собственности на имущество (наличие физического признака) и право на имущество, делает невозможным признание цифровых прав предметом хищений, за исключением мошенничества. Проблема отнесения цифровых прав к предмету хищений может разрешиться, если законодатель откажется от разделения предмета хищений на имущество и права на имущество, в основе которого лежит вещный признак [5, с. 39].

Взгляды А.В. Серебренниковой на актуальную необходимость отказа от вещного признака как обязательного признака предмета хищения и изменение представления об исключительно материальной сущности предмета преступлений против собственности поддерживают П.С. Яни, Г.П. Новоселов, Н.А. Лопашенко, обосновывая это неизбежным ростом масштабов перевода экономических процессов в цифровое пространство [6, с. 32; 7, с. 136; 8, с. 62]. Противоположную точку зрения высказывает И.И. Евтушенко, согласно которому текущая редакция составов хищений допускает признание цифровых прав предметом хищения [9, с. 334]. Свою позицию автор объясняет тем, что законодателем уже создан прецедент, когда имущественные права были признаны предметом хищения. Речь идет о включении в ч. 3 ст. 158 УК РФ пункта «г». Согласно действующему законодательству безналичные и электронные денежные средства, наряду с вещами, являются предметом кражи. Как справедливо отмечает Н.А. Лопашенко, уголовный закон не изобретает своего собственного определения имущества, а пользуется трактовкой, закрепленной в ст. 128 ГК РФ [8, с. 134]. Данная статья содержит перечень объектов гражданских прав, которые относятся к имущественным правам: безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права.

Исходя из изложенного следует вполне закономерный вывод: если безналичные денежные средства признаны предметом тайного хищения, то цифровые права, имея такой же легальный статус имущественных прав, должны признаваться предметом кражи по тем

же основаниям. Однако здесь встает вопрос о соблюдении принципа законности, в соответствии с которым применение уголовного закона по аналогии не допускается. На сегодняшний день в УК РФ сохраняется разделение предмета хищения на имущество (вещи) и имущественные права, исключение сделано только для безналичных и электронных денежных средств, которые прямо указаны в качестве предмета кражи.

Особый исследовательский интерес представляет обзор правоприменительной практики. Как было замечено, пока судебная практика привлечения к уголовной ответственности за хищение цифровых прав отсутствует, однако наработана достаточно обширная практика, связанная с хищением цифровой валюты, выпуск и обращение которой также осуществляются на базе блокчейна. В отличие от уголовно-правовой доктрины, судебная практика идет по пути расширительного толкования «чужого имущества» как предмета хищений, отдает приоритет экономическому признаку, не акцентируя внимания на вещном. В качестве примера можно привести определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 г. по делу № 77-1296/2023 (приговор по п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ)². Судебная коллегия сочла обоснованным признание цифровой валюты «иным имуществом», поскольку, несмотря на то что цифровая валюта как отдельный объект гражданского оборота в законе не поименована, общеизвестно, что она, как актив, представляет определенную имущественную ценность, возможен ее обмен на фиатные деньги или иные материальные блага в соответствии с правилами соответствующих онлайн-платформ. Признание цифровой валюты «иным имуществом» не противоречит ст. 128 ГК РФ, учитывая, что возможный перечень такого имущества не является закрытым.

И.С. Мочалкина последовательно рассуждает в следующем ключе: поскольку цифровые права не могут приниматься в качестве средства платежа, данный факт указывает на ограничение их оборотоспособности [1, с. 61].

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2023 по делу № 77-1296/2023 (приговор по п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Признать имущество, оборотоспособность которого ограничена, предметом преступлений против собственности невозможно, если у лица отсутствуют законные права на такое имущество. В связи с чем, если цифровые права были похищены у законного собственника, деяние автор предлагает квалифицировать по общим составам хищения, то есть объектом преступления будут отношения собственности (гл. 21 УК РФ). Если цифровые права были похищены у лица, которое их приобрело с нарушением требований законодательства, то в гл. 32 УК РФ следует ввести специальные составы хищения и вымогательства, то есть объектом преступного посягательства будет порядок управления. На наш взгляд, данная точка зрения имеет право на существование, однако идет вразрез с правоприменительной практикой и противоречит общей логике применения уголовно-правовых механизмов защиты общественных отношений.

Возвращаясь к вопросу об имуществе, ограниченном в гражданском обороте, целесообразно привести позицию Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой законность приобретения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств лицом, у которого они были похищены, не является фактором, влияющим на квалификацию преступного деяния³. В любом случае, уголовная ответственность будет наступать по ст. 226 УК РФ, то есть объектом преступного посягательства будет общественная безопасность. Кроме того, как было указано ранее, цифровые права с экономической и юридической точек зрения не являются принципиально новым феноменом, а установленный запрет на их использование в качестве платежного средства не делает цифровые права имуществом, ограниченным в гражданском обороте, в том понимании, которое укоренилось в отечественном уголовном законодательстве.

Даже если лицо приобрело цифровые права в нарушение предусмотренного законодательством запрета на использование их в качестве средства платежа, а впоследствии

³ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

эти цифровые права были у него похищены, учитывая направленность умысла виновного на хищение чужого имущества, объектом преступного посягательства будут все же отношения собственности, а не порядок управления, как предлагает И.С. Мочалкина [1, с. 65].

В завершение обсуждения данного вопроса считаем уместным привести доводы, изложенные в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. по делу № 77-1255/2021, 1-40/2019⁴. Судебная коллегия указала, что наличие запрета на возможность оплачивать товары, работы и услуги цифровой валютой не свидетельствует об отсутствии у нее признаков имущества. То есть, даже если цифровые права были приобретены в обход законодательных требований, они все равно остаются имуществом, следовательно, объектом преступления, состоящего в хищении незаконно приобретенных цифровых прав, будут отношения собственности.

Выводы и рекомендации

Анализ доктринальных позиций по вопросу отнесения цифровых прав к предмету хищения позволил установить, что камнем преткновения в достижении консенсуса в научном сообществе является вещный признак. Одни ученые выступают за сохранение вещного признака как приоритетного критерия отнесения имущества к предмету хищения и конструирование новых составов преступлений, предметом которых будут цифровые объекты. Другие обосновывают назревшую необходимость отказа от принятой в доктрине уголовного права трактовки имущества как вещи, обладающей физическими признаками, в том числе ссылаясь на правоприменительную практику, которая демонстрирует смещение центра тяжести с вещного признака на имущественный критерий. Достаточно распространенным доводом в пользу признания цифровых прав предметом преступлений против собственности является проведение аналогии с безналичными и электронными денежными средствами, хищение которых

образует квалифицированный состав преступлений, предусмотренных ст. 158 и 159.6 УК РФ. Аналогия, построенная на том, что цифровые права, наряду с безналичными денежными средствами, отнесены ГК РФ к иному имуществу, а точнее, к имущественным правам, представляется недостаточным аргументом. Требуются более весомые и теоретически зрелые обоснования, опирающиеся на экономические, правовые и технологические особенности выпуска и обращения цифровых прав.

Поскольку центральной задачей настоящего исследования является доктринальная проверка гипотезы о признании цифровых прав предметом хищения, далее предлагаем провести верификацию данного цифрового феномена по трем системообразующим признакам предмета хищения, выделяемым в теории уголовного права. Результатом такой проверки должна стать комплексная аргументация, легитимизирующая включение цифровых прав в уголовно-правовую категорию имущества. Резюмируя изложенное, можно сделать закономерный вывод, что для отнесения имущества в гражданско-правовом смысле к «чужому имуществу» (предмету хищения) в уголовно-правовом значении необходимо соблюдение трех критериев.

Первый критерий – вещный признак. Снова обращаясь к ст. 128 ГК РФ, становится очевидным, что термин «имущество» не сводится только к вещам, а охватывает также имущественные права, в том числе новые правовые сущности, которые функционируют на основе технологии распределенных реестров. Вещный признак предмета хищения выступает своего рода атавизмом экономической системы, где основным фактором производства был капитал, в то время как сегодня российская экономика развивается по пути цифровизации бизнес-процессов, когда все большую ценность приобретает такой экономический ресурс, как информация. В свою очередь, правовые институты, ключевая задача которых сводится к созданию прозрачных «правил игры», должны быть гибкими и подвергаться трансформации в соответствии с меняющимися экономическими условиями и новым технологическим укладом.

В данном контексте институты уголовного права не являются исключением. Обеспе-

⁴ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 по делу № 77-1255/2021, 1-40/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чивая уголовно-правовую охрану наиболее важных сфер общественных отношений, данная отрасль законодательства должна быть особенно чувствительной к меняющимся реалиям общественной жизни и своевременно реагировать внесением поправок в действующие правовые нормы. В этой связи принятие Государственной Думой РФ во втором чтении законопроекта «О внесении изменений в статью 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», согласно которому цифровая валюта признается имуществом, следует расценивать как уверенный шаг в направлении размывания традиционной демаркационной линии между имуществом и имущественными правами как предметом хищения и унификации объемов понятия «имущество» в уголовно-правовом и гражданско-правовом значениях⁵.

Стоит обратить внимание на два ключевых аспекта упомянутого проекта федерального закона. Во-первых, использование законодателем для определения правового статуса цифровой валюты юридического термина «имущество», а не «право на имущество» или «иное имущество», к которому относилась цифровая валюта в рамках вынесенных приговоров. Во-вторых, согласно законопроекту цифровая валюта, в отличие от безналичных и электронных денежных средств, не подвергается криминализации в качестве предмета хищения в рамках отдельных составов преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ. Это значит, что в случае кражи цифровой валюты данное деяние будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 158 УК РФ при отсутствии квалифицирующих признаков, так как п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ содержит закрытый перечень объектов, которые выступают предметом хищения.

Таким образом, формируются легальные основания для квалификации хищения цифровой валюты как кражи, грабежа или разбоя, что свидетельствует о расширении понятия «чужое имущество» за рамки классического вещного признака. А.В. Грошев и А.В. Шульга,

⁵ О внесении изменений в статью 104-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : законопроект № 902782-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8> (дата обращения: 20.12.2025).

обосновывая признание бездокументарных ценных бумаг предметом хищения, в качестве главного аргумента своей позиции приводят тот факт, что даже в случае кражи документарных ценных бумаг предметом хищения будет не лист бумаги (вещь), а имущественное право, удостоверяемое этим материальным носителем [10, с. 3]. Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что цифровые права следует признать предметом общих составов хищений, предусмотренных УК РФ, без необходимости конструирования новых составов преступлений.

Второй признак предмета хищения – экономический, подразумевающий наличие стоимости. Согласно ст. 3 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ решение о выпуске цифровых финансовых активов должно содержать цену приобретения или порядок ее определения, или количество вещей, или стоимость имущественных прав, которые необходимо передать для приобретения цифровых финансовых активов. Аналогично, если обратиться к содержанию ст. 13 Федерального закона от 2 августа 2020 г. № 259-ФЗ, инвестирование с использованием инвестиционной платформы может осуществляться только безналичными денежными средствами, из чего прямо следует, что утилитарные цифровые права имеют денежный эквивалент.

Третий признак предмета хищения – юридический. Смысл его заключается в наличии у предмета хищения собственника или иного владельца и отсутствии у виновного прав на имущество. Особенность выпуска и обращения цифровых прав состоит в том, что они не существуют вне привязки к конкретному собственнику. Согласно требованиям информационных систем (инвестиционных платформ), включенных в реестр Банка России, выпуск цифровых прав считается состоявшимся, если достигнут минимальный объем денежных средств, предусмотренный решением о выпуске. Например, при первичном размещении денежные средства потенциального обладателя цифровых финансовых активов изначально поступают на номинальный счет оператора информационной системы и только после достижения заявленного минимума планируемых к привлечению денежных средств выпуск считается состояв-

шимся и цифровые финансовые активы будут отображаться в электронном кошельке конкретного лица. Поскольку выпуск и обращение цифровых прав осуществляется в виде записей способами, установленными правилами информационной системы, право собственности на цифровые финансовые активы подтверждается посредством включения лица в реестр пользователей информационной системы как обладателя цифровых финансовых активов. Таким образом, инфраструктура, обслуживающая оборот цифровых прав, обеспечивает прозрачные механизмы для идентификации их владельца.

В заключение рассмотрим такой принципиальный вопрос, как определение момента окончания преступления, состоящего в хищении цифровых прав. Учитывая позицию Верховного Суда РФ, сформулированную в п. 25.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, согласно которой хищение безналичных и электронных денежных средств считается оконченным с момента их изъятия с банковского счета или электронного кошелька, можно сделать вывод, что в отношении объектов гражданских прав, существующих в виде записей, наблюдается дистанцирование от концепции «реальной возможности рас-

порядиться похищенным»⁶. Такое толкование момента окончания преступления применимо, когда предметом хищения выступают цифровые права, которые учитываются в информационной системе в виде записей. Однако в случае с хищением цифровых прав есть нюансы, обусловленные технологическими особенностями организации их выпуска и обращения, в том числе перехода права собственности. Предположим, что злоумышленник получил доступ к личному кабинету и цифровому кошельку потерпевшего и тайно совершил сделку по смене обладателя цифровых финансовых активов. Сделки в информационной системе исполняются на основе смарт-контрактов, обеспечивающих алгоритмизированную проверку зарегистрированных транзакций. Поскольку переход цифровых финансовых активов считается состоявшимся с момента внесения записи в информационную систему в виде уникального идентификатора после валидации сделки, следовательно, хищение цифровых прав считается оконченным с момента внесения такой записи, что одновременно отображается в личном кабинете пользователя сменой статуса сделки на «операция исполнена».

6 О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / И.С. Мочалкина. – Москва, 2022. – 240 с.
2. Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества / С.М. Кочои // *Lex Russica*. – 2021. – Т. 74, № 6. – С. 108–117.
3. Хиллута В.В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Хиллута. – Минск, 2021. – 595 с.
4. Иванова О.М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.М. Иванова. – Самара, 2020. – 319 с.
5. Серебренникова А.В. Специфика цифровых прав как предмета преступления / А.В. Серебренникова // *Colloquium-journal*. – 2021. – № 20 (107). – С. 38–40.

REFERENCES

1. Mochalkina I.S. Digital Rights and Digital Currency as a Subject of Economic Crimes. *Cand. Diss. Moscow*, 2022. 240 p.
2. Kochoi S.M. The Doctrine and Legal Positions Developed by the Courts in Theft of Someone's Property Cases. *Lex russica*, 2021, vol. 74, no. 6, pp. 108–117. (In Russian).
3. Khilyuta V.V. Crimes against the Circulation of Civil Rights Objects: Conceptual and Theoretical Foundations of Modeling. *Doct. Diss. Minsk*, 2021. 595 p.
4. Ivanova O.M. Theft of Another's Property as a Criminal Law Category. *Cand. Diss. Samara*, 2020. 319 p.
5. Serebrennikova A.V. Specificity of Digital Rights as a Subject of Crime. *Colloquium-journal*, 2021, no. 20 (107), pp. 38–40. (In Russian).
6. Yani P.S. E-payment Fraud. *Zakonnost*, 2019, no. 4, pp. 30–35. (In Russian).

6. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П.С. Яни // Законность. – 2019. – № 4. – С. 30–35.

7. Новоселов Г.П. Концепции предмета преступления в отечественной уголовно-правовой науке / Г.П. Новоселов // Актуальные проблемы философии и права : сборник трудов ученых РГППУ. – 2007. – № 1. – С. 134–144 [Электронный ресурс]. – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/11469/1/apfp_2007_014.pdf (дата обращения: 27.12.2025).

8. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. III. Формы хищения : монография / Н.А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 264 с.

9. Евтушенко И.И. Вопросы разграничения смежных составов хищений имущественных прав и их квалификация / И.И. Евтушенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 1. – С. 330–341.

10. Грошев А.В. Бездокументарные ценные бумаги как предмет хищения / А.В. Грошев, А.В. Шульга // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 113. – С. 1–14 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezdokumentarnye-tsennye-bumagi-kak-predmet-hischniya-1> (дата обращения: 12.01.2026).

7. Novoselov G.P. Concepts of the Subject of a Crime in National Criminal Law Science. *Actual Problems of Philosophy and Law. Collection of Works by Scientists of the Russian State Professional Pedagogical University*, 2007, no. 1, pp. 134–144. Available at: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/11469/1/apfp_2007_014.pdf.

8. Lopashenko N.A. Crimes against Property. Author's Course. Book 3. Forms of Theft. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 264 p.

9. Evtushenko I.I. Issues of Differentiation of Related Structures of Stealings of Property Rights and Their Qualification. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 330–341. (In Russian).

10. Groshev A.V., Shulga A.V. Uncertificated Securities as a Subject of Theft. *Scientific Journal of KubSAU*, 2015, no. 113, pp. 1–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezdokumentarnye-tsennye-bumagi-kak-predmet-hischniya-1>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Евгения Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Evgenia Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 18.03.2026; принята к публикации 18.03.2026. The article was submitted 14.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.